

УДК 82-191: 81`42 (Аллегорическая поэзия. Аллегорические стихотворения. Басни. Фаблю. Притчи. Параболы. Метаморфозы / Лингвистика текста. Анализ дискурса)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТИЧНЫХ БАСЕН СЛАВЯНСКИМИ АВТОРАМИ XVIII-XIX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ СЮЖЕТА «ВОРОН И ЛИСИЦА»)

© 2025 Л.Ю.Калинина¹, С.Р. Недбайлик², В.А. Дмитриева²

Калинина Лариса Юрьевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры дошкольного образования факультета начального образования

E-mail: klar1992@gmail.com

Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
немецкого и французского языков Института иностранных языков

E-mail: snedbailik@mail.ru

Дмитриева Валерия Аркадьевна, старший преподаватель кафедры английского языка Ин-
ститута иностранных языков

E-mail: valeria_67@mail.ru

¹Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

²Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

Статья поступила в редакцию 30.07.2025

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты переводческих интерпретаций античных и классических басенных сюжетов восточными и западными славянскими авторами XVIII-XIX вв. В этой связи авторами предлагается многоуровневый сравнительный анализ отдельных текстовых фрагментов переводов классической басни «Ворон и лисица», выполненных российскими, чешскими, польскими, украинскими и другими литераторами, с акцентированием основных особенностей их индивидуальных творческих стилей и подходов. Результаты проведенного исследования дают полное основание полагать, что интерпретации сюжета басни, принадлежащие славянским авторам (И.А. Крылову, А.П. Сумарокову, И.А. Баркову, И. Красицкому, А.Я. Пухмайеру, В.К. Третьякову и др.) при всех имеющихся в них различиях, содержат и черты значительного сходства, что объясняется как универсальностью существующих норм нравственности и морали, так и приверженностью устоявшимся классическим традициям. В целом можно с уверенностью утверждать, что переводы и переосмысления античных басенных сюжетов, сделанные русскими, украинскими, польскими, чешскими и другими авторами XVIII-XIX веков, во многом способствовали развитию и популяризации малых сатирических форм и жанров в восточной и западной европейской литературе более поздних периодов.

Ключевые слова: античный, классический, басня, сюжет, автор, стиль, интерпретация, мораль

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-103-55-64

EDN: IHROVV

Введение. Как известно, эпоха XVIII-XIX вв. по праву считается «золотым веком» славянской басни, периодом истинного расцвета талантов восточноевропейских авторов, многие из которых известны как интерпретаторы античных сюжетов. Именно благодаря их усилиям европейская сатира достигла совершенно нового уровня, чему во многом способствовало творчество русских поэтов. Так, существуют их многочисленные переложения общеизвестных классических античных басен о животных, как то: «Цикада и Муравей», «Заяц и Черепаха», «Дуб и Тростник», «Ворон(а) и Лисица», некоторые из которых до сих пор считаются анонимными. В целом все интерпретации басенных сюжетов славянскими авторами отличаются оригинальностью стиля и творческого видения. Целью настоящего исследования является выявление черт сходства и различий в интерпретациях классических сюжетов разными переводчиками. Его актуальность обусловлена тесными этнокультурными контактами, в значительной степени обусловленными единством философских и морально-нравственных ценностей, заложенных в произведениях фольклора, баснях и сказках.

Методы исследования. В данной работе мы проводим комплексный многоуровневый литературоведческий, стилистический анализ текстовых фрагментов басни «Ворон и лисица» в интерпретации

различных славянских авторов, что позволяет выявить индивидуальные особенности их творческого стиля и языка.

История вопроса. Являясь одним из древнейших малых литературных жанров, басня, как известно, до сих пор не утратила своей актуальности, продолжая развиваться, видоизменяться, что во многом способствует выявлению различий в структуре и тематике произведений различных эпох. В силу этого вопросы анализа, сравнения, интерпретации басен продолжают интересовать исследователей и подниматься в научном дискурсе. Исходя из определения басни как нравоучительного или сатирического рассказа, иносказательно изображающего людей и их поступки¹, мы можем выделить две основные сферы внимания для интерпретатора или переводчика: содержательная/фабульная и морализирующая/назидательная, где объектами сравнительного анализа являются как структурно-стилистические черты, так и морально-нравственные акценты, передаваемые переводчиками, представителями разных культур и исторических периодов.

Результаты диахронического обзора процесса развития структуры басни от античности до наших дней, предложенного в исследовании Д. Богданова, убедительно показывают, что структура басни в целом остаётся неизменной: в ней всегда присутствует иносказательный поучительный рассказ, в прозе или стихах, часто с включённым диалогом, и логическое заключение, постулирующее мораль истории. При этом отмечается, что моральному аспекту в современных трактовках уделяется меньше внимания, а ярче всего заметны различия в акцентах на том или ином пороке, а также на том, что является комичным [Богданов Д.]. Аналогичную тенденцию отмечает в своём исследовании Л.А. Трахтенберг, по словам которого «И.А. Крылов при переводе басен Ж. де Лафонтена также вольно обращался с оригиналом, трансформируя либо сюжет, либо структуру, оставляя читателю самому делать выводы о морали басни» [Трахтенберг Л.А., с. 45]. Анализируя эзоповские сюжеты, используемые в баснях Н.В. Леонтьева, забытого поэта XVIII в., Л.А. Трахтенберг фиксирует изменения в их содержании, характере персонажей, идеях и – реже – в морали басни [Трахтенберг Л.А., с. 723]. В своём сравнительном исследовании произведений Эзопа и Антиоха Кантемира, русского поэта-сатирика XVIII в., Е.В. Куличева делает вывод об их схожести по теме, проблеме, сюжету, но одновременно и различиях по форме изложения, мотивам, способам и средствам описания персонажей [Куличева Е.В., с. 52]. Проблема национально-специфической характеристики интерпретаций традиционных басенных сюжетов исследуется и в работах В.А. Тихомировой, в которых отмечается, что традиционные басенные сюжеты не только не потеряли своей актуальности, но и вобрали в себя национально-специфические черты национальных менталитетов и лингвокультур [Тихомирова Е.В.].

В рамках данного исследования наибольший интерес представляют трактовки классической басни «Ворон и Лисица», первоначальный вариант которой восходит к глубокой древности. Именно в данном сюжете мы находим наиболее актуальное воплощение универсального механизма лести. Как известно, российские авторы дали в общей сложности около восьми версий этой басни, вышедших в те или иные годы под разными названиями. Среди них можно отметить варианты А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, И.С. Баркова, И.А. Крылова, А.А. Ржевского и др. Весьма оригинальными по формам и символике представляются версии польского писателя И. Красицкого и чешского баснописца А.Я. Пухмайера, создавшего свой сюжет под названием «Ворона и Лисица» [Vrána a liška]. Окончательная переработка «Вороны и Лисицы» [Gava i Lisicya] была сделана украинским автором Л. И. Глебовым. Причем при всех существующих различиях в трактовке морали, большинство авторов все же остается на так называемых «универсальных» позициях.

Результаты исследования. Говоря о вкладе российских авторов в развитие малых литературных жанров, необходимо, прежде всего, отметить И.А. Крылова (1769-1844), известного переводчика произведений всемирно известного басенника эпохи Возрождения Ж. де Лафонтена, который вывел восточноевропейскую сатиру на совершенно новый уровень. Причем если в произведениях русского литератора А.П. Сумарокова (1717-1777), равно как и его последователей, господствовал классовый и этнографический подход к изображению быта, то И.А. Крылов совершил качественный «скачок» – в его творениях нашли отражение как социальный, так и национальный аспекты: в частности, вместо привычных Демонов и Глупонов появились простые крестные отцы: Фома, Лука, Федька, Ерема и т. д.

¹Большой толковый словарь русского языка. – URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 30.07.2025).

[Пронин В.А., с. 123]. Прекрасное знание истоков творчества античных и французских авторов, свежесть и конкретность жизненных образов, неповторимость красок в представлении бытовых картин, обилие реалистичных деталей – все это составляет уже не отдельные черты, а устойчивые признаки нового стиля. В баснях И.А. Крылова эти особенности, сливаясь в единое целое, определили качественно иной тип художественного видения и изображения действительности, обеспечили появление чего-то, несомненно, связанного с эстетикой классицизма, – восприятия самой жизни как трагикомедии. Ниже цитируются фрагменты двух его работ в оригинале, ярко иллюстрирующих то, как создаётся трагикомичная завязка басни:

Мартышка и очки

«Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак. ... [Крылов И.А., с. 198].

Квартет

«Проказница – Мартышка,
Осёл,
Козёл,
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки, –
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет. ... [Крылов И.А., с. 196].

Вполне очевидно, что все это оказало значительное влияние на многие малые литературные жанры, которые заимствовали модернизированные формы, темы, язык и стиль, создавая иное качество. Весьма интересно отметить, что, используя в своих произведениях темы, сюжеты древнегреческого баснописца Эзопа и французского автора Ж. де Лафонтена, И.А. Крылов никогда не подражал своим коллегам: русским, украинским, белорусским, польским, чешским и другим баснописцам – ни предшественникам, ни современникам. Он всегда старался создавать свои индивидуальные версии, хотя и на той же тематической основе и даже под схожими названиями. В действительности, существуют многочисленные интерпретации общеизвестных басен о животных, в частности, сюжета «Ворона и лисица», первоначальная версия которого восходит к античности. Так, можно с уверенностью говорить о трех основополагающих версиях этой басни: Эзопа, Федре и Ж. де Лафонтена [Новожилов М.А., с. 98]. Что касается русских баснописцев, то они дали несколько ее вариантов. Так, первой была версия В.К. Тредиаковского «Ворон и Лисица», изданная в 1752 г., второй – авторская интерпретация М.М. Хераскова «Ворона и Лисица», датированная 1756 г. Далее, есть вариант И.С. Баркова «Лисица и ворон», который появился в 1764 г. Основоположник русского классицизма, поэт и переводчик А.П. Сумароков создал свои версии басни «Ворона и Лиса»: первая появилась в 1762 г., вторая – в 1881 г. Авторские же варианты И.А. Крылова были опубликованы в журнале «Драматический вестник» под названием «Ворона и Лисица» в 1808 и 1829 гг. [Noël P.J., p.167]. Необходимо отметить, что первые четыре варианта басни явно следуют дидактическим традициям Эзопа. Действительно, в его оригинале мы находим основной сюжет: ворона крадет кусок мяса (а в одной из версий Эзопа это – сыр), садится на дерево, чтобы вкушать плод своего воровства. Лисица видит его и хочет заполучить, она осыпает ворону похвалами, затем изъясняет желание услышать голос, гармонирующий с общим

обликом; ворона раскрывает клюв, чтобы спеть, сыр падает на землю, тут же схваченный лисой. Пропитируем для сравнения тексты басни Эзопа в прозе. Первый текст – перевод Л.Н. Толстого (1875 г):

Ворон и лисица

«Ворон добыл мяса кусок и сел на дерево.
Захотелось лисице мяса, она подошла и говорит:
– Эх, ворон, как посмотрю на тебя, – по твоему росту да красоте
только бы тебе царем быть!
И, верно, был бы царем, если бы у тебя голос был.
Ворон разинул рот и заорал что было мочи.
Мясо упало. Лисица подхватила и говорит:
– Ах, ворон, коли бы еще у тебя и ум был, быть бы тебе царем».²

Второй текст – перевод В.А. Алексеева (1888 г.):

Ворон и лисица

«Удалось Ворону раздобыться куском сыру, взлетел он на дерево, уселся там и попался на глаза Лисице. Задумала она перехитрить Ворона и говорит: «Что за статный молодец ты, Ворон! И цвет-то твоих перьев самый царственный! Будь только у тебя голос — быть тебе владыкой всех пернатых!» Так говорила плутовка. Попался Ворон на удочку. Решился он доказать, что у него есть голос, каркнул во все воронье горло и выронил сыр. Подняла Лисица свою добычу и говорит: «Голос, Ворон, у тебя есть, а ума-то не бывало». Не верь врагам — проку не выйдет».³

Как видим, здесь представлены две версии басни, причем в обеих лисица возносит ворона до уровня царя – высочайшей позиции в социальной иерархии, а также высмеиваются глупость и гордыня птицы. Правда у В.А. Алексеева следует ещё и назидание не верить врагам, быть осторожнее.

В то же время, древнеримский поэт-баснописец Федр (15 до н.э. – 50 н.э.) настаивает на большей моралистичности. Приведём перевод Н.И. Шатерникова, имеющий уже и некоторые поэтические черты – ритмическую организацию и приблизительную рифму:

Лисица и ворон (Vulpis et Corvus)

«Кто счастлив лестью, что в обманчивых словах, –
Потерпит кару он в раскаянии позднем.
Однажды ворон своровал с окошка сыр
И съест сбирался, на высокий севши сук.
Лисица видит – и такую речь ведёт:
«О, как прекрасен, ворон, перьев блеск твоих,
В лице и теле, ворон, сколько красоты.
Имел бы голос – лучше птицы б не найти».
А глупый ворон, голос высказать спеша,
Свой сыр роняет изо рта... Поспешно тут
Хитрец лисица жадно в губы сыр берет.
И стонет глупый, что поддался на обман» [Тредиаковский В.К., с. 234].

²Ворон и лисица (Эзоп; Лев Толстой). [Текст электронный]. – URL: <https://ped-kopilka.ru/semeinaja-biblioteka/vneklasnoe-chtenie-2-klas/basni-dlja-2-klasa.html> (дата обращения: 30.07.2025).

³Ворон и Лисица (Эзоп; Алексеев). [Текст электронный]. – URL: <https://nukadeti.ru/basni/ezop-voron-i-lisica> (дата обращения: 30.07.2025).

На самом деле мораль здесь двусторонняя: с одной стороны, она предостерегает от лести, а с другой стороны, отмечает превосходство хитрости над силой. Неудивительно, что русский переводчик Федра И.С. Барков следует той же схеме. Причем в его версии четыре строки, содержащие мораль басни в начале и в конце, отделяются от остального текста пробелом и выделяются курсивом:

*«Которым хитрое льстецов приятно льщенье,
Те поздно вскаются, пришедши в сожаление
[...]
Что может чрез хвалу искусной лицемер;
Сколь острота сильна, являет сей пример».*⁴

*«Ceux qui apprécient les louangesrusées des flatteurs,
En auronthonte plus tard, quand sera venu le temps des regrets. [...]
Cet exemple montre ce que peut faire un habile flatteur avec seslouanges,
Combien la ruse estpuissante» [Le Guennec D., p. 286].*

Безусловно, это не дословный перевод, но смысл в нем передан довольно точно. Однако поскольку похвалы начинаются с оперения и со стати, то И.С. Барков добавляет ссылку на павлина и орла. Если Федр лишь вызывает у вороны намерение петь, то поэт-интерпретатор иронизирует над «молчащим небесным голосом» [«умолки глас небесный»], дополняя повествование динамичным образом убегающей лисицы, от которой ворона видит только заднюю часть тела [Новожилов М.А., с. 127]. Эти орнаментальные детали, вызванные верностью образцу, дают нам представление о том, как мог звучать перевод античного сюжета в XVIII в. Вот полная интерпретация басни И.С. Баркова в оригинале:

Лисица и Ворон

*«Которым хитрое льстецов приятно льщенье,
Те поздно вскаются, пришедши в сожаление.
С окна унесши сыр на древе Ворон сел,
И рад добыче той, лишь только есть хотел;
Увидев оногo, Лисица побежала
И Ласковы слова безумцу распложала:
«Павлиных перьев ты превысил красоту,
Какую ж станом всем являешь доброту!
Ярчае зрит Орла твоя, драгой, зеница!
Дражайшая б была ты всех на свете птица.
Когда б при красоте толикой был и глас».
Безумной краснопев хотел зевнуть в тот час,
Желая показать свои пресладки песни;
Упал на землю сыр; умолк и глас небесный.
Проворно хитрая Лиса схватила кус
И с радостью тотчас побегла в свой улус.
А Ворон, как шальной, взглянул лишь вслед за нею
И с горести вздохнул, обмануть лестью сею».
Мораль:
«Что может чрез хвалу искусной лицемер;
Сколь острота сильна, являет сей пример» [Новожилов М.А., с. 127].*

Что касается версии А.П. Сумарокова, опубликованной чуть раньше, в 1762 г., то она состоит из двадцати стихов, причем мораль так же, как у Ж. де Лафонтена и российских авторов В.К. Тредиаковского и М.М. Хераскова, формулируется в большой степени с подачи лисы, которая не высмеивает ворону и сохраняет в себе некую доброту: «Прости, сестра, – сказала Лиса, / И помни, моя сплетня, выкуп

⁴ Барков И.С. Лисица и ворон [Текст электронный]. – URL: <https://goo.su/rW5A> (дата обращения: 30.07.2025).

лести» [Лисица говорит: «Прости, сестрица, / И помин, matka, то, каков у лести сок» [Le Guennec D., p. 286]. Так, даже если в силу традиционной для лисы двуличности можно предположить, что эта фамильярность не искренна, она все же присутствует в именах «моя сплетня» («*ma commère*») и «сестра» («*sœur*ette») [Le Guennec D., p. 287]. Следует отметить, что выбор номинаций в самом названии басни А.П. Сумарокова «Ворона и Лисица» довольно показателен: слова «Ворон» и «Ворона» в русском языке ближе друг к другу, чем во французском, и сам персонаж поневоле приобретает женский характер. Значит ли это, что женщина является более чувствительна к лести? Является ли это отражением гендерных стереотипов или лишь морфологических особенностей русского языка? Во всяком случае именно такой выбор сделал А.П. Сумароков. Достаточно вспомнить в этой связи, что «Лиса» («Лисица») в русском языке также женского рода. Приведем авторскую интерпретацию в оригинале:

Ворона и Лисица

«Ворона сыром овладела,
Ворона добычью воронья ремесла,
Кусочик сыру унесла,
И на дубу сидела,
Во рту его держав,
И крошечки еще его не поклевав.
Лисица скалит зубы,
Со умилением взираючи на сыр,
И говорит: «Весь мир
Тебя, ворона, хвалит.
Я чаю, что тебя не много то печалит.
И подлинна то так,
Являет то твой зрак.
Прекрасная ты птица,
Я пряма говорю, как добрая лисица.
Какие ноженьки! Какой носок!
Какие перушки! да ты еще певица.
Мне сказано ты петь, велика мастерица».
Раскрыла дура рот, упал кусок.
Лисица говорит: «Прости, сестрица,
И помин, matka, то, каков у лести сок» [Le Guennec D., p. 327].

Говоря о других авторах, необходимо вспомнить известного польского слависта И. Красицкого (1735–1801), который создал свою версию басни, опубликованную в IV книге «Новых басен» в период между 1779 и 1800 гг. [Vernet L., p. 289]. Это единственная из интерпретаций славянских басенников, в которой есть мужские персонажи. Такой выбор объясняется тем, что если лиса в польском языке обозначается мужским именем, то «wtopa» может означать как ворона, так и ворону. В этом варианте нет ничего особенного, кроме ставшего воистину огромным сыра. Однако финал является более резким, так как И. Красицкий в первых двух стихах возвращается к морали Эзопа, несколько облегченной в силу особенностей «строного» польского синтаксиса: «Бывает часто обманут, / кто любит быть хвалимым» [Bywacz ęstoz wiedzionym, /Kto lubiby waćch walonym.] [Le Guennec D., p. 279]. И. Красицкий любил классическую ясность и лаконичность басен Эзопа, поэтому мог представлять их почти такими, какие они есть, но в своем изящном и элегантно-м стиле.

В то же время в 1797 г. чешский баснописец А.Я. Пухмайер создал свою версию басни под названием «Ворона и Лиска». Фактически он выбрал женское имя, обозначающее женщину-ворону, в то время как имена: «кркавец», «хавран» обозначают ворону-человека. В Чехии обычное слово для обозначения лисы – женского рода: «liška», но есть и мужское слово: «lišák», что также означает «жулик». Таким образом, автор делает выбор в пользу феминизации, представляя в третьем стихе свой персонаж как «госпожу-ворону» [panívrána] [Le Guennec D., p. 278]. Лесть со стороны лисы касается оперения, т. е.

одежды, приукрашенной за счет использования такого стилистического приема, как антифразис. За основу автор, безусловно, берет Ж. де Лафонтена, высказывания которого довлеют в переводе, начиная с парафрастического начала: «На высоком дубе, / Держа во рту сыр, / Пани Ворона восседала» [Na vysokém dubě, / sýrec držíc v Hube, / paní vrána seděla]. Чуть дальше мы находим «Если твое буйство похоже на твое оперение» [K dyby shlas jak perří měla], вплоть до «Феникса наших лесов» [v lesích nasi choh ni váček] и, наконец, слово в слово, «лиска хватает его» [[je] žto liška ucho pěci] [Le Guennec D., p. 269]. Мораль дается в пяти – семи строках и не так brutally, как у Ж. де Лафонтена:

«[Le renard] dit à la corneille:
«Ni ta voix nites plumes ne m'attirent
Mais le fromage sent délicieusement bon!
Quand on croit un flagorneur,
Sache, qu'ilest trop tard pour revenir en arrière,
La prochainefois que tu auras un fromage,
Garde-toi des fins-renards, pires que les grands-ducs» [La Fontaine J., p.274].

(Когда веришь подхалиму, / Знай, что отступать уже поздно, / В следующий раз, когда будешь есть сыр, / Берегись хитрых лис, что хуже филинов.)

Известный сербский литератор Д. Обрадович (1742-1811) также не преминул представить свою версию басни. Его повествование соответствует эзоповой модели, однако сама мораль, без сомнения, пропорциональная тому значению, которое автор придает этой басне, бьет все рекорды: она в пять раз длиннее, чем в оригинале [Тредиаковский В.К., с.345]. Окончательная переработка сюжета, достойная внимания, сделана украинским писателем и поэтом Л.И. Глебовым (Глибовым) (1827-1893); она опубликована в его стихотворном сборнике 1882 г., хотя могла быть написана и раньше. Басня называется «Ворона и Лисица» [Гава і Лисиця] и состоит из сорока стихов, т.е. имеет самый длинный корпус. Причем сыр в тексте заменяется колбасой [ковбаса] — важнейшим элементом украинского рациона: «Хотя мы и говорим, то она глупая раззява, / Она умела украсть» [Хоч показати, що вона дурна роззява, / А до крадіж к издатна була] [Le Guennec D., p. 263]. Эта ворона, как и героиня И.А. Крылова, немного романтична, она хочет «позавтракать одна, когда ей заблагорассудится» [На самоті поснідати до смаку], что дает лисе время прийти, к тому же она воистину наслаждается этой медитацией:

«Merci, pense-t-elle, aux têtes intelligentes
Qui travaillent dans le monde,
Elles ont appris à faire toutessortes de choses;
Parmi les hommes, il paraît que c'est bon pour nous:
On peutenobtenir quelque chose» [Le Guennec D., p. 276].

Сложно дать точную интерпретацию этим деталям, но в них можно усмотреть определенную иронию: решения принимаются вдали от людей теми, кто обладает властью, не будучи компетентными, и люди должны верить, что это так, т. е. делается для их блага. То же самое относится и к разработке двенадцати стихов, которые представляют собой не мораль, навязанную лисой, а размышление о «безумном мире» [дурниця світова], в котором люди ограблены «мягкими словами» [солодкії слова] и баснописными страхами о том, что так будет всегда [Le Guennec D., p. 267]. Причем националистическое чувство, вдохновляющее Л.И. Глебова, способствует определенному торжеству зла века, которое оживляет многие другие произведения и выражено в этой басне [Le Guennec D., p. 268].

Вполне очевидно, что у двух последних авторов ворона мечтательна и даже интеллектуальна. Это способ решения проблемы, поставленной в рассказе: почему ворона не съедает добычу на месте? Надо дать лисе время прийти! Можно же просто спрятать ее на дереве вне досягаемости от хищницы или хоть как-то оправдать задержку во времени. Причем пункт, предполагающий наибольшие различия, – это вопрос морали: мы можем оставаться на чисто универсальном уровне, что и делают все авторы [Недбайлик С.Р., с. 121]. Проблема в том, что Ж. де Лафонтен дал версию, для которой очень трудно найти хотя бы примерный аналог. Таким образом, никому не удалось превзойти французского мастера-виртуоза. Однако, что делает (ре)интерпретации интересными, так это не попытка сделать лучше или, по крайней мере, не хуже, а использование заранее подготовленного материала,

узнаваемого читателем, для передачи индивидуального авторского видения, а это гарантирует успех *captatio benevolentiae* [Тредиаковский В.К., с. 235].

Выводы. Следует отметить, что при всех многочисленных авторских интерпретациях басня «Ворон(а) и Лисица» остается вполне классической, поскольку является особенно ярким отражением такого общечеловеческого порока, как гордыня, или тщеславие, и воплощением универсального механизма лести, что делает ее в большой степени морально-дидактической. В целом же многочисленные и довольно успешные интерпретации и переосмысления как данного, так и многих других тематических античных сюжетов древних басенников Эзопа и Федра, выполненные русскими, украинскими, польскими, чешскими, хорватскими и другими славянскими авторами XVIII-XIX вв., во многом способствовали как их популяризации, несомненному признанию читателями и критиками, так и дальнейшему развитию басенного жанра как такового в восточно- и западноевропейской литературе.

Источники:

1. Крылов, И.А. Сочинения в 2 томах / под ред. С. А. Фомичева. – Москва: Художественная литература, 1984. – 1198 с.
2. Тредиаковский, В. К. Сочинения и переводы в стихах и прозе. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1752. – 756 с.
3. La Fontaine J. Fables. Paris: Edition de J. C. Darmon et S. Gruffat, 2022. – 544 p.

Литература:

1. Богданов, Д. Развитие структуры басни: от античности до наших дней // Филология и литературоведение. – Нижний Новгород: Изд.-во Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, 2014. – №1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/01/642> (дата обращения: 21.07.2025).
2. Куличева, Е. И. Жанр басни в творчестве Эзопа и А. Кантемира: сходство и различие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – Москва, 2019. – №2. – С. 52-59.
3. Недбайлик, С. Р. Об эволюции малых сатирических литературных форм как генома коллективного человеческого интеллекта // Сборник научных статей «Категории языка и мышления: аспекты современного взаимодействия». Петрозаводск, 2023. – С.119 – 123.
4. Новожилов, М. А. Французская басня и эпиграмма. – Санкт-Петербург: Наука, 2014. – 490с.
5. Пронин, В. А. Теория литературных жанров. – Москва: Наука, 1999. – 196с.
6. Тихомирова, Е. Н. Национально-специфическая характеристика интерпретаций традиционных басенных сюжетов. Автореферат диссертации по филологии, специальность ВАК РФ 10.02.19. – URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-spetsificheskaya-kharakteristika-interpretatsii-traditsionnykh-basennykh-syuzhet> (дата обращения: 25.07.2025)
7. Трахтенберг, Л. А. И.А. Крылов и Ж. Де Лафонтен: динамика рецепции // Литературоведческий журнал. – Москва, 2019. – № 46. – С. 39-61.
8. Трахтенберг, Л. А. Эзоповские сюжеты в баснях Н.В. Леонтьева // Учёные записки Новгородского государственного университета. – Нижний Новгород, 2021. – № 6 (39). – С. 723-726.
9. Le Guennec, D. Circulation et réception des fables dans les pays slaves entre 1750 et 1850: Thèse de doctorat. Nancy : Centre de recherche sur les cultures littéraires européennes, 2019. – 581p.
10. Noël, P.J. La Fable au siècle des Lumières, 1715–1815. – Saint-Etienne : Université Jean-Monnet-Saint-Étienne, 1991. – P.20–41.
11. Vernet, L. Le Siècle des Lumières et l'Europe: de l'universel à l'unité? –Text : electronic // Le Taurillon. – Paris, 2013. – URL: <https://www.taurillon.org/Le-siecle-des-Lumieres-et-l-Europe-de-l-universel-a-l-unite,05598> (дата обращения 20.07.2025).

**ON SOME ASPECTS OF INTERPRETATIONS OF ANTIQUE FABLES BY SLAVIC AUTHORS
OF THE 18th-19th CENTURIES (BASED ON THE PLOT «THE RAVEN AND THE FOX»)**

© 2025 L.Yu. Kalinina¹, S.R. Nedbaylik², V.A. Dmitrieva²

*Larisa Yu. Kalinina, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor of the Department music education of the university*

E-mail: klar1992@gmail.com

*Sabina R. Nedbaylik, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of German and French Languages*

at the Institute of Foreign Languages

E-mail: snedbailik@mail.ru

Valeria A. Dmitrieva, Senior Lecturer at the Department of the English Language

E-mail: valeria_67@mail.ru

¹Samara State Social and Pedagogical University

Samara, Russia

²Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

This article examines some aspects of translation interpretations of ancient and classical fable plots by Eastern and Western Slavic authors of the 18th-19th centuries. In this regard, the authors offer a multi-level comparative analysis of individual text fragments of translations of the classical fable «The Raven and the Fox» made by Russian, Czech, Polish, Ukrainian and other writers, emphasizing the main features of their individual creative styles and approaches. The results of the study conducted in the work give every reason to believe that the interpretations of the fable plot belonging to Slavic authors (I.A. Krylov, A.P. Sumarokov, I.A. Barkov, I. Krasitsky, A. Pukhmayer, etc.), with all the differences in them, also contain features of significant similarity, which is explained both by the universality of existing moral and ethical standards, and by commitment to established classical traditions. In general, it can be said with confidence that translations and reinterpretations of ancient fable plots made by Russian, Ukrainian, Polish, Czech and other authors of the 18th-19th centuries largely contributed to the development and popularization of small satirical forms and genres in Eastern and Western European literature of later periods.

Keywords: ancient, classical, fable, plot, author, style, interpretation, moral

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-103-55-64

EDN: IHROVV

Sources:

1. Krylov, I. A. Sochineniya v 2 tomah (Works in 2 volumes) / pod red. S. A. Fomicheva. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1984. – 1198 s.
2. Trediakovskij, V. K. Sochineniya i perevody v stihah i proze (Works and translations in verse and prose). – Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1752. – 756 s.
3. La Fontaine J. Fables. Paris: Edition de J.C. Darmon et S. Gruffat, 2022. – 544 p.

References:

1. Bogdanov, D. Razvitie struktury basni: ot antichnosti do nashih dnei (Development of the structure of the fable: from antiquity to the present day) // Filologiya i literaturovedenie. – Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K. Minina, 2014. – №1 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/01/642> (data obrashcheniya: 21.07.2025).
2. Kulicheva, E. I. Zhanr basni v tvorchestve Ezopai A. Kantemira: skhodstvo i razlichie (The genre of fable in the works of Aesop and A. Kantemir: similarities and differences) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. – Moskva, 2019. – №2. – S. 52-59.
3. Nedbajlik, S. R. Ob evolyucii mal'kh satiricheskikh literaturnykh form kak genoma kollektivnogo chelovecheskogo intellekta (On the evolution of small satirical literary forms as the genome of collective human intelligence) // Sbornik nauchnykh statej «Kategorii yazyka i myshleniya: aspekty sovremennogo vzaimodejstviya». – Petrozavodsk, 2023. – S. 119 – 123.
4. Novozhilov, M. A. Francuzskaya basnya i epigramma (French fable and epigram). – Sankt-Peterburg: Nauka, 2014. – 490 s.
5. Pronin, V. A. Teoriya literaturnykh zhanrov (Theory of literary genres). – Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1999. – 196 s.
6. Tihomirova, E. N. Nacional'no-specificheskaya harakteristika interpretacij tradicionnykh basennykh syuzhetov (National-specific characteristics of interpretations of traditional fable plots). Avtoreferatdissertacii po filologii, special'nost' VAK RF 10.02.19. – URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalno-spetsificheskaya-kharakteristika-interpretatsii-traditsionnykh-basennykh-syuzhet> (data obrashcheniya: 25.07.2025).
7. Trahtenberg, L. A. I. A. Krylov i Zh. De Lafonten: dinamika recepcii (I. A. Krylov and J. De La Fontaine: the dynamics of reception) // Literaturovedcheskij zhurnal. – 2019. Nom. 46. – S. 39-61.
8. Trahtenberg, L. A. Ezopovskie syuzhety v basnyah N.V. Leont'eva (Aesopian plots in the fables of N.V. Leontiev) // Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 6 (39). – S. 723-726.
9. Le Guennec, D. Circulation et réception des fables dans les pays slaves entre 1750 et 1850: Thèse de doctorat. Nancy : Centre de recherche sur les cultures littéraires européennes, 2019. – 581 p.
10. Noël, P.J. La Fable au siècle des Lumières, 1715–1815. – Saint-Etienne : Université Jean-Monnet-Saint-Étienne, 1991. – P. 20–41.

11. Vernet, L. Le Siècle des Lumières et l'Europe: de l'universel à l'unité? –Text: electronic // Le Taurillon. Paris, 2013.
URL: <https://www.taurillon.org/Le-siecle-des-Lumieres-et-l-Europe-de-l-universel-a-l-unite,05598> (дата обращения 20.07.2025).